

The image is a book cover with a scenic background. The top half shows a blue sky with wispy white clouds. The bottom half shows a clear, turquoise sea with a white wake from a boat. On the right side, a white building with a red roof and a balcony is visible on a cliff overlooking the sea. In the distance, there are mountains under a clear sky.

Валерий Вычуб

Мой Коктебель

Валерий Семенович Вычуб

Мой Коктебель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28736352

SelfPub; 2017

Аннотация

Валерий Вычуб. Поэт, прозаик. Член Союза писателей. Финалист международного поэтического конкурса журнала Крещатик “Перекресток”. Участник многих литературных конкурсов. Не без успеха участвовал в международном конкурсе Волошина. До лонг-листа не добрался, в шорт-листе не побывал. Но читатели любят меня не только за это. Книги Валерия Вычуб печатаются в интернет-издательстве Ridero. Проза поэта отточена и всегда остроумна. Ориентируюсь на умного читателя. Поэзия Валерия Вычуб для умного взыскательного читателя.

Содержание

Коктебель	4
Планерское	19
Коктебель. пансионат “Голубой залив”.	23
станция Север	24
Красная площадь	26
возвращение	29
Ёж.	31
Хоба Тепе.	32
декабрь	35
Краснодарский край.	37
острова	39
нарцисс	40
Детство	41
ВИЙ	44
облака	46
Валаам	47
в темноте памяти	48
эпоха дикарей	50
здравствуй	52
тишина	54

Коктебель

Пустое море делят рыбы.

В ночи бунтуют катера.

И опадают в бухтах глыбы

Полночного серебра.

Коктебель

Горбун выбирает девок

Таких, что с души воротит.

Под крик насмешливых чаек,

К твоим Золотым воротам

Уйдёт катерок прогулок,

Упрёков, воспоминаний.

Уйдёт катерок соблазнов,

Двухчасовых свиданий.

Крабы нас перемелют.

Устрицы профильтруют.

Выпадет снег в апреле.

Горы перезимуют.

Горбун выбирает девок.

Значит сезон в разгаре.

Значит – пойдешь налево,

Солнце в лицо ударит.

Значит – пойдя направо.

И опять на подъёме,

Спину хребет вправит,

Смелому шею сломит.

Годы нас перемелют.

Нас города профильтруют.

Снегом виски прибелит.

Память перезимует.

Горбун выбирает девок,

Старый, смешной, нелепый.

А, говорят, художник.

И человек смелый.

А, говорят, когда-то...

Мало ли что “когда-то”.

Годы не виноваты.

Все мы не виноваты.

Табун

Разноцветноглазых

Девчонок

На диком пляже.

Но нет тебя

Среди разных

И тень от тебя не ляжет

На рыжий песок

Лисий,

На Дикий прыжок

Козий.

И редкостный

Австралийский

Опал

Для тебя пользы

Не принесёт.

Ты только

Моё воспоминанье.

На столько,

Ещё полстолько

До выхрипа:

до свиданья...

За нашим запретным пляжем,

Где поцелуям не место,

В чабрец и полынь ляжем

С тобою, моя невеста.

Кара-Даг

Крым.

Коктебель.

Кара-Даг.

Карагач.

Стволы столетние.

Хребет Карагач.

Сорокоградусная жара.

Яшмовые жилы.

Ящерицы.

Полоз.

Море внизу.

До бесконечности,

До изнеможения,

Море.

Можжевельник

Прожил сто лет

И ещё столько,
А то и более проживёт.
Море споёт.
Яшмовую жилу
Обточит волна.
Выбросит круглый
Камешек на песок.
Подбери его.
Вспомни меня, дружок.

Бахчисарай

Цыганский табор у ворот Бахчисарая.

И пестрота одежд. И запах пыли. И разве что медведя не хватает.

”Цыганки украдут. Пойдем отсюда”.

Пойдем в убогий, когда-то пышный, дом, дворец татарского царя.

Фонтан по капле слезы точит.

Заставят прочитать. “Тебе не очень? И мне не очень”.

А за стеной дворца. Подъем к пещерам. Каменные плиты.

Как все лоснится, временем убито.

Твои ли предки, или же мои?

Пещерные, чужие караимы. Чуфут – Кале. Былые тени.
Мимо.

Вздыхают. Мы вздохнем.

На солнечный простор!

Сияющее радостное море.

Мелькнет из-за холмов. И снова Коктебель.

И снова лето длится. И снова нам любовь.

И нам нельзя влюбиться.

И море общее, послушное для всех.

Ребёнок и старик. Дельфин и чайка.

Зелёная и золотая рыбка.

Похоронили бедную. Пути не выдержала через горы.

Какие глупости. Какие три желанья мы не успели рыбке загадать?

Пусть сбудутся твои.

Пусть падающие звезды.

Пусть миллионы падающих звезд.

Твои любые вечные желанья

Исполнят.

Будет лёгок путь.

Забудь меня.

Но лето не забудь.

Снова солнечный блеск.

Снова лето проходит над нами.

Проходит сквозь нас. Нас меняя.

И мы неизменны.

Любовь

Ты научилась плавать этим летом.

Ты загорела дочерна. Весь день на пляже.

А вечером гуляешь. И думаешь о чем-то очень важном.

На берегу, где шиповник всё гуще.

Зреет терновник. В колючие дебри спелый вплетается куст ежевики.

Вьётся тропинка по горному склону.

Дура-корова стоит на тропинке. Посторонись, мы пройдем.

’По траве полыни. Чабрецу и мяте.

Через виноградник, что давно забыт.

Посинел терновник, незамысловатый.

И кизил багровый сладостью налит”.

”Хороша песенка, правда? Как там по-испански корова:

бака, или вака?”.

Мы пройдем, мы проходим.

Каменная голова лягушки. Маленькая Лягушиная бухта.

Чистая вода голубая.

Дети резвятся, не понимая. Взрослые, эти всё понимают.

Вечером, обрывки газеты. Чайки ругаются, поедая чьи-то оставленные припасы, чей-то недоеденный полдень.

Мы не оставим солнца ни капли, капли воды высыхают на теле, слёзы, как далеки наши слёзы, как мы за месяц с тобой загорели.

Сколько ещё впереди, не считаем, ни дней, ни часов, ни минут.

С точностью до минуты.

Спать.

Сны, угорелые летние сны

в очереди толпятся, кровать,

то надувным матрасом дрейфует около берега твоего сна,

то тишина, глубина морская,

голубая медуза и тишина.

Всё успеть перевидать и утро.

Совершенно никаких и масса

новых забот.

Жаль,

Что с билетом обратным трудно.

Хорошо,

Что с билетом обратным трудно.

Москва подождет.

Какая взрослая. Чужая. Не такая.

Смущённая немного. Не моя.

О чём заговорить с тобой? Не знаю.

Тебя я иногда на улице встречаю.

Гуляешь. Где-то снова загораешь.

Какая скучная.

Наверно подменили.

В Москве в тот год январские метели были.

А в декабре я не встречал тебя.

Планерское

Вечером. Опустеют пляжи.

Тень от горы легла на море.

Слышней волны. Пронзительней чайки.

Они уже не боятся. Нашей любви.

Он приедет на море. Пройдёт по пляжу.

Он потянется. Улыбнётся. Ничего не скажет.

Будет Весь День Загорать. Познакомится с

девчонкой.

Вечером Дискотека Луна. Жизнь со следующего

утра полна.

И волна подползла спросила вы здесь когда-то были

Он ей ничего не скажет.

Ветер на вершине даже в жаркий день
сдувает со скалы а до моря 200 метров.

каких-нибудь 200 метров

Целых 200 метров.

В мае ли июне там целое море цветов

После июньских дождей аромат белых
акаций и ещё не взорвался Чернобыль.

Девчонки-официантки поутру спешат в столовую

5 часов утра. Вся жизнь впереди.

Чётко шаг. Прекрасен мир.

Кухонный смрад. Гул очереди. Каждый
день одно и то же.

И вечером море. С причала вниз

Головой

В завтрашний день.

Как оно улыбается. Выходит из-за Киик-Атлама.

Каждый день новое. Всё ждёт

от нас чего-то.

Иногда на набережной

Продавали шашлыки. Иногда там бывали чебуреки. Иногда мы пили пиво, играли в карты и даже бывали счастливы. Возвращались: пили пиво, играли в карты, ели шашлыки.

Иногда чебуреки.

“Здесь вы можете отдохнуть, позагорать, пособирать красивые камни Кара-Дага: сердолик, халцедон, яшму, агат, опал, аметист.”

Коктебель. пансионат “Голубой залив”.

Шш. Не пиши стихи. Напиши мне на память прозу. Как осенние хороши розы. У первого корпуса. И картины на стенах хороши. Поднимаешься на второй этаж. Людка, кажется, не умерла. И живёт себе в 202-м номере. Это мы все: ты и я померли. Не пиши стихи.

Чёрный очень поздний виноград
Не сняли, птицы расклюют
А то и сам пропадёт
Здесь в низине не слышно моря
Неухоженный участок
Рядом река, что весной наверняка
Заливает
Доживём до весны, давай попробуем
Кто знает

станция Север

Остановки от станции Север
До пленительной станции Юг.
Остановки от станции Клевер
До Полынь, Синева, Урюк,
До Джанкой, Перекоп и дальше,
Щебетовка, мыс Меганом.

Не считай остановки, мальчик.
Мы на следующей сойдём.

Обязательно чтобы были
Удивительные слова.

Мы билет не туда купили.
И теперь болит голова.

Слишком больно
Считать как раньше
Перекоп, Джанкой, Меганом.

Лучше станция Одуванчик.
Деревянный северный дом.

Красная площадь

*Воробьи склевали крошки
Закрывается кафе
Дождик, подожди немножко,
Сделай пусто на шоссе.
Чтобы не пришла машина
Чтоб меня никто не взял.*

По Красной площади гуляла проститутка. Первая. Длинная, как жердь. Страшная, как перестройка.

А я уезжал на юг.

Какие-то пыльные, полупустые, дополнительные поезда. Все, кому надо, уже уехали. Никому не надо, спешат пить, завтра совсем запретят. Спешат спать, вся страна в спячке.

И воет толстая дура о свободе небывалой. Ещё взовьются бесы рой за роем. А сейчас затишье. Запах пыли и стук колёс.

Вспомнится бабка на перроне, продаёт картошку, семечки в кулёчке. Никто не покупает, поезд стоит так долго, так долга старость, мерзкая великая Россия.

Не сейчас ли свердловский упырь разрушает ипатьевский дом?

Грянет Спитак, взорвётся Чернобыль. Плывём по России.

Скоро Перекоп.

Ещё не плавают трупы в Чёрном море. Не гуляет по набережной крокодил. Могилевич сидит у себя в Солнцево, тараканов разводит. Сколько там тараканов. Где мафия, там и грязь, что в Италии, что в России. Скотская феодальная задумка.

Крымские провинциалы, как у вас всё всегда хорошо. Есть проблемы: шаланды ушли, но кефаль не поймали, акация в этом году цвела недостаточно белая, недостаточно душистая. Обрубите, обрубите скорей хвост, Перекоп свой раскопайте. И плывите к себе, в Грецию плывите. Но суровы воды Геллеспонта, не пролезет, ой, не пролезет Крым.

Тяжело быть чужим. На кой чёрт всё это? от Чукотки до Пятихатки.

Ладно. Будем жрать фрукты. Дешевые, экологически чистые.

Как пахнут сухие травы, полынь, чабрец, закопаться бы в траву, вон рядом с Максимилианом Александровичем.

Но придут татары, раскопают.

Странный мирок, целое столетье кануло как в бездну, какое на дворе тысячелетье, да любое, племена хунну, новый русский язык, да он уже здесь.

Вычерпать океан чайной ложкой попытались и хватит. С тех, кто ещё жив, даже слишком хватит.

Пишут. Эти опять пишут. Буфетчик Петруша, горничная Лиза пишут. Лакей Смердяков ваяет о бессмертном.

“Господи помилуй её и меня”.

Без меня.

Виноград в этом году опять сладок.

возвращение

там бешеная лиса
на подъеме в гору
в июльскую пору

там всяческие чудеса

Король с Королевой неспешно
идут к трону

еще не дошли?
я так и думал

тридцать лет прошло
еще не дошли

на горизонте советские военные корабли
нас империалисты не тронут

бабочка порхает в сухой траве
не тронут

не трогай прошлого

взорвутся мины

залетают стервятники над окровавленной душой
но здесь так хорошо

весь день иди и иди в гору
и пролетает прошлое стороной.

Ёж.

А ночью приходит ёж
И хрюкает под кроватью.
И девушка за занавеской
Вздыхая, шепчет тебе.

Валера, пришла лягушка.
Лягушка меня пугает.
Приди, прогони лягушку.
Я вовсе тебя не люблю.

Когда же наступит утро.
А утро всегда наступит.

Все ёжики и лягушки
Гуляют в чужом саду.

На пляже вино и карты.
Веселые разговоры.
И шепчет ёжик лягушке.
Я ночью опять приду.

Хоба Тепе.

ползу внизу. а она сверху опять камешки спускает.

– Ах, опять не попала.

Анна Андреевна! кричу. Чего ж ты такая плотоядная.

И опять шуршание, крик, шелест камней. Солнце подзрительно яркое.

А еще поднимаешься в горы. А еще лиса бешеная выскакивает в совершенно непредсказуемом контексте.

У этой лисы проблемы.

Но я ведь не могу. Я многое там не могу.

Но меня туда тянет. Раз за разом тянет.

И пограничники за каждой скалой. Притаились и подглядывают.

Как, он еще и так умеет?!

Очень сложно с советскими женщинами.

Сделать женщиной удастся не всякую.

Одних уже сделали. Другие не прочь, но почему-то в другой раз.

В этот раз что-то мешает.

Однажды даже полоз помешал. Подполз хвостатый и подглядывал.

А солнце все светит. В июле туда и не суйся.

Солнце сверху, радиация внизу, ты посередке. Безумная

лиса где-то хохочет в кустах.

Сердолик прячется в пропасти.

Много нас таких, охотников за сердоликами.

Хочешь, пойдём? Хочу, но с тобой не пойду.

А в ювелирном киоске, между прочим, обработают камешек, между прочим, носит.

Мы останемся друзьями.

Ну и оставайся.

В 5 утра. Встать. Поехать на чем надо. Приехать куда надо. Пойти.

По этим откосам, обросшим водорослями пойти. Увидеть восход солнца. Не умереть.

Хотя Анна Андреевна не удержится, камешек разок, другой сбросит.

Ах, крабы в Львиной бухте.

Ах, ящерицы на хребтине замечательного Льва.

Русалка в бездне морской не скажет ни о чем.

Просолилась, похрустывает мидиями, кокетничает с морским чертом.

В следующий раз сядь, чертик, на камешек. Пусть Валерий Семенович не доглядит, тоже на камешек сядет. Мы с тобой посмеемся.

Насмешливое ты моё счастье. Глаз да глаз за вами, бабами, нужен. Морские, просоленные, а все равно хороводите с чертями.

Чертовский закат с обрыва у Хоба-Тепе. Что-то он знает,
закат.

Знает, но не скажет. Догадывайся.

Времени уже нет на догадки.

Стеною стали медузы в сентябрьских водах.

Родина зовет. А здесь ты был в гостях.

Мы всегда приезжаем, погостим, оставим кучу консерв-
ных банок, доведем до стресса лису.

Ту-Ту.

Сталинские лесопосадки давно выросли.

На севере осень. На севере всегда осень.

декабрь

В декабре в Коктебеле
выпал снег и растаял

В декабре в Коктебеле
ничего не бывает

все волна набегает
набегает отхлынет

В декабре в Коктебеле
за холмами пустыня

стонут рельсы в натуге
плачут зимние вьюги

В декабре в Коктебеле
воздух звонкий упругий

воздух зябкий и синий
за холмами пустыня

все волна набегает

набегает отхлынет

набегает

и ждет

и опять набегает

забывай

тает снег

о себе

забывая.

Краснодарский край.

Молодняк коптит свои попки на пляже.
На ветвях у яблонь урожай и даже
Могут быть рекордные урожаи
В Краснодарском крае.

Краснодарский край! Краснодарский край!

Красномордых яблочек
Непечатый рай.

Где-то там, у бога,
Где всего много,
Зреет мой несобранный урожай.

Бога нет, а значит,
Ничего не значит.
Где-то мячик кожаный
По газону скачет.

Бог появится,
Аромат магнолий, больше нету боли,
Как вам нравится? Больше нету боли.

Город Сочи, тёмные ночи,
Дендрарий.
Город Адлер, позабытый адрес,
Пионерский лагерь.
А звали?

Как её звали?

Оля?

Надо же, вспомнил.

Оля.

Где-то там, в Краснодарском крае.
Где-то там, в позабытом рае.
При дурацком морском прибое.
Небо черное, аж голубое.
И луна.

Ну и всё такое.

острова

Острова Ревилья-Хихедо возле острова Клиппертон

направление ветра в июне, направленье морских течений.

глубина не слишком большая, где-то двести метров и триста,

даже около километра всё равно не слишком большая

всё равно мексиканский берег недалек

нахлобучил шляпу и раскуривает сигару задымил вулкан
Орисава.

нарцисс

Нарцисс запутался в траве.

Шумит по крыше дождь.

Ты спрятался, ты ничего не ждёшь.

А ветер пагубный, к небесной синеве.

Всё ночи белые, всё ничего не ждёшь.

Не ждать бы ничего.

И так хорош.

Нарцисс запутался в траве.

Шумит по крыше дождь.

Детство

На бесконечно большом дворе
нашего бесконечного детства
всегда хорошая погода
и конский щавель.

конская подкова – событие
трава – никогда она так хорошо не росла
дождь – почему-то всегда был тёплый
молнии – ослепительнее
гром – звучнее
столько звёзд в ночи
не высчитаешь

и вдруг кончилось

василёк в поле ржи
оказывается, он есть василёк
не в книжках не в стихах
наяву у тропы у твоих ног

а ты всё растёшь

змея гадюка в землянке
великой войны
что ты шипишь
что ты вообще можешь сделать

и море цветов море дел
море книг и в библиотеке не все выдают
ты ещё мал тебе ещё рано

самолёт в божественно пустом небе

бабушки тоже стареют
даже если они твои бабушки

продали старую лошадь
уехал Федя-цыган
прошла первая электричка
всё ближе и ближе город

небо ещё пусто
но скоро полетит Гагарин

на бесконечно большом дворе
нашего бесконечного детства
всегда хорошая погода
и конский щавель

незаметно как ты дошел до края
как переступил через край.

ВИИ

не знаешь, куда не пойти
чего не услышать, не знаешь
чего не увидеть, увидишь
заставят увидеть

кто выколол веку глаза?

Что тетя доктор Ночь?
Все дядя Вечер на приеме.
Симптомы разные.
Не верит, что умрет.

полнощный ёж
среди ночи полночной
вполне полуночный
и дьявольски ночной

ночного сумрака ночное средоточье
исчадь полночи

КОЛЮЧИЙ ДОМОВОЙ

он приближается

он где-то даже близок

он удаляется

его не удалишь

ежи все множатся

а полночь лапы лижет

и прыгать некуда

и ты не убежишь.

облака

Закупают капусту.
Помирают старухи.
Облака над землею
И слезливы и глухи.

Скоро грянут морозы.

Ах, какие дворняги
Оседают на дачах!

Как и терпит бумага.
Как чернила не плачут.

Хорошо, что морозы.

Надо кончить, пожалуй.

Валаам

острова – ёжики
не годятся слова
лишь года ёжатся
Валаам Валаам

ни тебе радости
не твоя грусть
камень там на Ладогe
ну и пусть

камень там на Ладогe
будет дождь

что ж ты, дура, радуешься
куда плывешь.

В ТЕМНОТЕ ПАМЯТИ

в темноте памяти
припомнилось
чёрное небо
светлячки как звёзды
дикие абрикосы жордели
мальчик учит меня говорить
по-украински
я и сейчас иногда чёрт-те с чего
говорю по-украински.

тогда еще водилась черная икра
поэты плыли рыбами
на Запад
туда где начинались города
стремились все
пылал июль
Анапа
повсюду продавали черепах
горел песок
и разрешили море
и воздух был

и воздух миром пах
и до войны еще совсем не скоро.

Тролли гномы эльфы и паровозы

Едет Сталин к себе в Цхалтубо

Везде лесопосадки

И вырастают деревья

И суховеи не веют

Не смеют

Не нападают акулы

На жителей Владивостока

А Сталин все едет и едет.

Эпоха дикарей

Хочешь сказать, что где-то идет война, точнее весна, точнее зима и катаются на лыжах.

Хочешь сказать, что любовь вольна, ну конечно Кармен вольна, сколько раз уж была вольна, ну садись поближе.

У камина, камина нет, у печурки огонь погаснет, сколько лет-то Кармен сколько лет мне тебе, заживается белый свет пережил сам себя неласков, где война-то у нас сейчас, где весна, всё цветы собирали мы тогда никого не ждали и зима была не про нас.

Эпоха дикарей.

Когда ценились фантики от конфет.

Особенно шоколадных.

Ценились подвиги.

Особенно на войне.

Чтоб и погибнуть. И вернуться героем.

Девушки пели особо протяжные песни.

И ругались матом не хуже.

И работали не хуже.

И терпели не хуже.

Эпоха когда терпели.

Верили.

Ни во что не верили.

Верили во все.

И уносились в космос.

И земля по-прежнему оставалась плоской.

И портреты трех слонов

Висели в школе.

И глядели на нас

Укоризненно.

здравствуй

Если кота любят
Все спасено

Мир неизменно круглый
Станет круглей

Плоское солнце расплющит
Свои лучи

И достает хозяин свои ключи
Дверь открывает
Впускает кота.

здравствуй
сказали кастрюли и чашки
цветок на подоконнике
сказал
здравствуй
я чуть без тебя не завял
а пыль по углам комнаты
трепетала

пока её не выметут
вспоминала
прожитую жизнь.

Улетают на юг горностаи
Соседские собаки тоже летят
Особой отдельной стаей летят
И люди внизу говорят
Вон наша собака полетела.

ТИШИНА

спугнёшь тишину. И нету.
По углам комнаты прячется
испуганная тишина
стучат часы
у них сердечный приступ
предметы смотрят на тебя
укоризненно

когда она осядет
сгустится
снова войдёт в свои права.

ничего глупее не придумаешь чем этот мир, где не ждут
тебя вечером вывешивают луну выбивают моль из ковров
старательные мужики северные ветры бесовские красные
глаза на задницах машин еще одна уехала слишком давно
уехала устарела эта модель.

когда я был маленьким

а когда я был маленьким
вот когда-то я был маленьким
а маленькие хотят побыстрее вырасти
вот я вырос
вот я уже и не помню
когда я был маленьким?